циональны и где они прилично соединены и расположены; так что всяк, видя ту вещь, не может не сказать, что она хороша». Таким образом, объективным и рациональным критерием красоты Тредиаковский признает гармонию и пропорцию элементов, нечто измеряемое, точное и в то же время независимое от духовного произвола личности, нечто независимое и от творца, и от воспринимающего искусство, и от самого объекта изображения, нечто логически-формальное.

Исходя из тенденции к нормализации искусства и культуры вообще, Тредиаковский исповедует культ логических определений, культ законов искусства, правил. Свой трактат о стихе 1735 г. он излагает, как курс математики или логики, в виде системы определений, правил и королларьев к ним, стремясь вывести правила из определений, как эстетические теоремы. В ряде работ он формулирует множество правил литературы, усердно занимается классификациями всяческого рода. Терминологичность, логическая понятийность отвлеченного типа, нарочитый рационализм отмечают и критерии Тредиаковского в важнейшей области стилистики, в семантике. Он требует от языка и стиля точного, ограниченного логическим определением смысла слова; он не допускает синонимов; каждое слово должно иметь одно значение, и каждое значение должно быть обозначено одним словом: «Я полагаю... что элоквенция, которая, хотя ни на одну токмо вещь многих имен не имеет, но из всех до одной каждой одно имя полагает, есть обильнейшая» («Слово о витийстве»). «Не инако есть сие и в рассуждении совокупно накладенных синонимий, которые одну токмо вещь, без приложения к ней другия важности, изображают. Сей наиособливейший есть дар пустыя элоквенции, не истинныя и твердыя. Прямое красноречие, употребляя синонимии, не употребляет оных как бы на размножение единыя вещи числом, но на различие ее или достойностию, или важностию, или великостию, или другим каким наисильнейшим обстоятельством» (там же). Поэтому Тредиаковский отвергает метафору как смысловое обогащение слова; он видит в метафоре как бы новое слово, заполняющее нехватку слов в лексике же данного языка (там же). Всякое смысловое колебание, семантическое углубление слова ему враждебно, как ему подозрительно и всякое украшательство, словесные узоры, нарушающие принцип рационалистического стиля: «Украшение слова, хотя и много служит истинному витийству, однако больше раболепствует пустому и притворному» (там же). Здесь Тредиаковский выступает против основных положений «Риторики» Ломоносова[8] и становится на позиции классицизма, предсказывая зрелого Сумарокова.

---

[8] «Слово о витийстве» относится к 1745 г., первая редакция «Риторики» Ломоносова была читана в виде курса в 1744 г.